

УДК 811.161.1'37

УДК 811.161.1

О.В. Радчук

КОРРЕЛЯЦИЯ ПОНЯТИЯ «ОТСУТСТВИЕ» С СЕМАНТИЧЕСКИМИ КАТЕГОРИЯМИ ЛИШИТЕЛЬНОСТИ, КАРИТИВНОСТИ И НЕОБЛАДАНИЯ

О.В. РАДЧУК. КОРРЕЛЯЦИЯ ПОНЯТИЯ «ВІДСУТНІСТЬ» ІЗ СЕМАНТИЧНИМИ КАТЕГОРИЯМИ ПОЗБАВЛЕННЯ, КАРИТИВНОСТІ Й НЕВОЛОДІННЯ.

У межах когнітивної лінгвістики досліджуються мовні явища, що відбивають систему світобудови, а також розуміння і сприйняття людиною існуючого світу в реаліях і абстракціях. Онтологічні та гносеологічні суті як буття людини, так і мови як системи базуються на опозиції наявність vs відсутність. У сучасних лінгвістичних студіях розвиваються ідеї основоположників когнітивного напрямку Дж. Лакоффа, Р. Лангакера, Е. Рош, Ч. Філлмора, У. Чейфа. Особлива увага приділяється лінгвальним узагальненням, що мають конкретну реалізацію в мові та мовленні, і, в той же час, охопленню всієї системи мови. Оскільки всю мовну систему пронизують асиметричні відносини, а теорія опозицій відображає сутнісні властивості системи мови, абстрактне поняття «відсутність» висувається на перший план в аспекті пояснення привативного характеру мови. Застосування лінгвокогнітивного аналізу, в основі якого лежить теорія прототипового опису лексико-граматичних явищ, дозволяє розглянути поняття «відсутність» у системі мови і засоби його репрезентації. Поняття «відсутність» і семантика засобів його вираження не піддавалися окремому розгляду. В наукових працях ставилися питання про самостійний статус у російській мові семантичних категорій позбавлення, неволодіння і каритивності, що фрагментарно пов'язані з поняттям «відсутність». Зокрема, зазначені семантичні категорії протиставлялися детально дослідженій на матеріалі російської мови категорії посесивності. Огляд досліджень категорій заперечення, каритивності, позбавлення і неволодіння свідчить про те, що вони безпосередньо і нерозривно пов'язані з поняттям «відсутність», а їх кореляція відбиває взаємозалежність конкретного (семантичних категорій) і цілого, під яким мається на увазі поняття «відсутність». Семантичний обсяг абстрактного поняття «відсутність» ширше, ніж семантичний обсяг зазначених категорій.

Ключові слова: когнітивна лінгвістика, поняття «відсутність», семантичні категорії позбавлення, каритивності й неволодіння.

О.В. РАДЧУК. КОРРЕЛЯЦИЯ ПОНЯТИЯ «ОТСУТСТВИЕ» С СЕМАНТИЧЕСКИМИ КАТЕГОРИЯМИ ЛИШИТЕЛЬНОСТИ, КАРИТИВНОСТИ И НЕОБЛАДАНИЯ.

В рамках когнитивной лингвистики исследуются языковые явления, которые отражают систему мироздания, а также понимание и восприятие человеком существующего мира в реальных и абстракциях. Онтологические и гносеологические сущности как бытия человека, так и языка как системы базируются на оппозиции наличие vs отсутствие. В современных лингвистических студиях развиваются идеи основоположников когнитивного направления Дж. Лакоффа, Р. Лангакера, Э. Рош, Ч. Филлмора, У. Чейфа. Особое внимание уделяется лингвальным обобщениям, имеющих конкретную реализацию в языке и речи, и, вместе с тем, охвату всей системы языка. Поскольку всю языковую систему пронизывают асимметричные отношения, а теория оппозиций отражает сущностные свойства системы языка, абстрактное понятие «отсутствие» выдвигается на первый план в аспекте пояснения привативного характера языка. Применение лингвокогнитивного анализа, в основе которого лежит теория прототипического описания лексико-грамматических явлений, позволяет рассмотреть понятие «отсутствие» в системе языка и средства его репрезентации. Понятие «отсутствие» и семантика средств его выражения не подвергались отдельному рассмотрению. В научных трудах поднимались вопросы о самостоятельном статусе в русском языке семантических категорий лишительности, необладания и каритивности, фрагментарно связанных с понятием «отсутствие». В частности, указанные семантические категории противопоставлялись

© О.В. Радчук, 2019

doi.org/10.34142/2312-1572.2019.04.70.08

подробно исследованной на материале русского языка категории посессивности. Обзор исследований категорий отрицания, каритивности, лишительности и необладания свидетельствует о том, что они непосредственно и неразрывно сопряжены с понятием «отсутствие», а их корреляция отражает взаимозависимость частного (семантических категорий) и целого, под которым подразумевается понятие «отсутствие». Семантический объем абстрактного понятия «отсутствие» шире, чем семантический объем указанных категорий.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, понятие «отсутствие», семантические категории лишительности, каритивности и необладания.

O.V. RADCHUK. CORRELATION OF THE NOTION OF 'ABSENCE' WITH THE SEMANTIC CATEGORIES OF DEPRIVATION, CARITIVENESS AND NON-POSSESSION.

Cognitive linguistics examines language phenomena that reflect world mapping as a whole as well as personal perception and comprehension of the world through realia and abstraction. Ontological and epistemological entities of human life and language as a system are based on the opposition presence vs absence. Modern linguistic studies have been developing the ideas of the founders of the cognitive paradigm G. Lakoff, R. Langacker, E. Rosch, Ch. Fillmore, W. Chafe. Special attention is paid to lingual generalizations that have some definite realization in language and speech as well as embracing the whole linguistic system. Since the whole language system comprises asymmetric relations and the opposition theory reflects essential language system features, the abstract notion of 'absence' is foregrounded in explaining language privative nature. Applying linguistic cognitive analysis, based on the prototype theory in describing lexical and grammatical phenomena, allows researchers to explore the notion of 'absence' and means of its representation in the language system. The notion of 'absence' and semantics of the means of its representation have not been subjected to detailed analysis as yet. The researches dealt with the issues of the status of deprivation, non-possession and caritiveness in Russian that are partially connected with the notion of 'absence'. In particular, the above-mentioned categories have been opposed to the category of possession researched in detail on the material of the Russian language. The survey of studies dealing with the categories of negation, caritiveness, deprivation and non-possession proves that they are directly and inseparably linked with the notion of 'absence', and their correlation reflects interdependence of the concrete (semantic categories) and the whole, by which the concept of 'absence' is meant. The semantic scope of the abstract notion of 'absence' is broader than the semantic scope of these categories.

Key words: cognitive linguistics, the notion of 'absence', semantic categories of deprivation, caritiveness, and non-possession.

В связи с выделением в современной лингвистике когнитивного направления, сопряженного с усилением антропологической и аксиологической составляющей общей теории познания, значимым становится исследование парадигмального характера языка как системы с опорой на накопленный и осмысленный опыт человека. Смыслообразующие ценности человеческого бытия, обуславливающие и предопределяющие направленность и мотивированность человеческой жизни, воспринимаются индивидуумами в модели бинарной оппозиции наличие vs отсутствие, имеющей языковую манифестацию. Ключевым фактором в понимании этого являются гносеологические принципы языковой онтологии. Существование мироздания и его отражения в сознании человека в бинарных оппозициях проявляется в вербальной и невербальной экспликации. Функционирование и изучение языка в аспекте наличие vs отсутствие позволяет говорить об асимметрии языковой системы. Привативный характер языковой системы определяет значимое отсутствие в системе, которое является когнитивно обусловленным, следовательно, может быть исследовано с помощью методов когнитологии.

Известный американский лингвист, положивший начало когнитивному направлению в языкознании, Дж. Лакофф в послесловии к книге «Женщины, огонь и опасные вещи: что категории языка говорят нам о мышлении» написал о том, что для него «важной целью было разработать альтернативу объективистским взглядам, которая бы сохраняла все ценное, что есть в объективизме, и в то же время позволяла бы продвинуться в исследовании разума далеко за те

пределы, которые были поставлены перед такими исследованиями объективизмом» [8, с. 485]. Последующие теории, представляющие интерес для когнитивной лингвистики, развивали концепцию американского ученого и предлагали свои пути рассмотрения языка в тесной связи с когнитивными способностями и потребностями человека.

Научные разработки, появившиеся во второй половине XX века, основывались на принципе антропоцентризма и изучали язык как феномен психики человека. основополагающими работами, в которых нашли развитие идеи Дж. Лакоффа, Р. Лангакера, Э. Рош, Ч. Филлмора, У. Чейфа, стали труды зарубежных лингвистов (А. Вежбицкой, В. Карасика, Е. Кубряковой, З. Поповой, И. Стернина, А. Шмелева) и позже отечественных языковедов (С. Жаботинской, Т. Радзиевской, Е. Селивановой и других). Лингвистический интерес к данной проблематике в конце XX – начале XXI веков активно поддерживался в исследовании концептов. Однако изучение концептов, хотя и было уверенным шагом вперед в науке о языке, в то же время отличалось фрагментарностью и утратой системного подхода в изучении языка. Описание вербализации концептов, как правило, проводилось в основном в аспекте исследования лексико-семантического поля и фразеологического фонда языковой системы, правда, в настоящее время существуют отдельные работы о синтаксических концептах и когнитивном подходе в морфологии.

Намеченный языковедами приоритет дедуктивного подхода к языку требует, с одной стороны, особого внимания современных когнитивных студий к новому этапу языковых обобщений в виде абстрактной лексики, имеющей конкретную реализацию в дискурсе, а с другой стороны, – охвата всей системы языка.

Когнитивно-эвристический потенциал прототипических знаний и опыта, запечатленный в прототипах *нет* и *без*, ассоциативно связан с абстрактным понятием «отсутствие», которое является стержневым в языковой системе. Пояснение привативного характера языка, то есть того, почему существуют конкретная оппозиция наличие vs отсутствие языковых элементов, почему тот или иной элемент в одной оппозиции присутствует, а в другой отсутствует, связан со становлением языка в тесной связи с ментальностью конкретного этноса, с влиянием на него социокультурного своеобразия носителей языка.

Всю языковую систему пронизывают асимметричные отношения, а теория оппозиций отражает сущностные свойства системы языка. Маркированное или немаркированное (нулевое) отсутствие языкового элемента как варианта в парадигме представляет асимметрию и языкового знака, и языковой системы в целом. По мнению одних лингвистов (например, Е.В. Падучевой), отсутствие языковой единицы вписывается в общий ряд нормативных явлений на правах нулевой реализации, что не ограничивает функционирование языка, а, напротив, стимулирует и создает условия для создания новых вариантов. Другие (например, Н.Д. Арутюнова), напротив, относят отсутствие к аномальным явлениям. Однако в любом случае привативный характер оппозиций предопределяет вектор и конкретные последствия процесса развития языка.

В контексте ретроспекции существенное значение для когнитивного обоснования роли понятия «отсутствие» в системе языка играет теория прототипов. Лингвокогнитивный анализ, в основе которого лежит теория прототипического описания лексико-грамматических явлений, получил достаточно широкое развитие в трудах языковедов разных поколений (Э. Рош, Дж. Лакоффа, Р. Лангакера, А. Вежбицкой, Г. Корбета, Д. Бакера, Д. Брауна, М. Чумакиной, А.В. Бондарко, В.З. Демьянкова, Н.Н. Болдырева, М.Я. Дымарского, Е.С. Кубряковой, Е.В. Рахилиной), однако абстрактное понятие «отсутствие» и его лингвальная маркированность vs немаркированность остались вне поля зрения исследователей.

В современной теории языкознания существует фундаментальное исследование семантики средств выражения негации (или отрицания) в русском языке (Е.В. Падучева, В.Н. Бондаренко, И.М. Богуславский, Н.Г. Озерова, Г.П. Соколова, В.П. Мусиенко), однако при этом уделялось незначительное внимание описанию семантики средств выражения понятия «отсутствие». Отсутствие, негация, отрицание либо ставились в один синонимический ряд и взаимозаменялись, либо отрицание определялось с помощью понятия «отсутствие», либо отсутствие и негация отождествлялись. Понятие «отсутствие» и семантика его средств выражения не подвергались отдельному рассмотрению. В научных трудах поднимались вопросы о самостоятельном статусе в русском языке семантических категорий лишительности, необладания и каритивности, фрагментарно связанных с понятием «отсутствие». В частности,

указанные семантические категории противопоставлялись подробно исследованной на материале русского языка категории посессивности.

В Лингвистическом энциклопедическом словаре посессивность определяется как универсальная понятийная категория языка [5, с. 338]; подвергаются научному рассмотрению глагольно-падежные конструкции с посессивной семантикой на материале западнославянских и русского языка А.В. Головачевой [4]; ядерный семантический компонент категории посессивности описан Д. Вайсом [3]; анализ плана содержания и плана выражения указанной категории изложен в работах А.К. Киклевича [7]. По замечанию Вяч. Вс. Иванова, «при значительном числе исследований, посвященных категории посессивности (притяжательности) в разных языках мира и ее типологии (Панде 1990, Seiler 1993 с библиографией предшествующих работ), обращает на себя внимание относительно малая изученность обратной категории необладания или лишительности (каритивности)» [6, с. 5]. Ученый, обратив внимание на недостаточную изученность вопроса, в своих исследованиях ограничивается рассмотрением категории отрицания и лишительности. При этом, апеллируя к данной проблеме, Вяч. Вс. Иванов разграничивает по семантике отсутствие и отрицание. Например, он приводит строки из стихотворения М. Цветаевой *Невозвратно, неостановимо, Невосстановимо хлещет стих* с последующим комментарием: «хотя в привативных производных этого типа есть идея отсутствия (надежды на возврат, остановку, восстановление), тем не менее на первом плане в них отрицание. Если восточно-индоевропейский тип привативных прилагательных, еще продолжающийся в греческой и испытавшей ее влияние европейских традициях, частично включает и формы с каритивным значением, то постепенно в этом последнем смысле все чаще используются другие формы» [6, с. 16]. Также филолог дифференцирует лишительность и отрицание. В частности, он указывает на то, что «коттский язык представляет интерес в том отношении, что лишительность в некоторых случаях выражается и сложениями с отрицанием *ton*» [6, с. 33]. Вяч. Вс. Иванов на основе синхронного и диахронического изучения разноструктурных языков, относящихся к различным морфологическим типам и имеющих и не имеющих родства, создал классификацию средств выражения отрицания и лишительности (каритивности), в которой выделил:

- 1) праславянские и индоевропейские формы с привативным префиксом;
- 2) предложно-послеложный способ выражения каритивности в славянских и других индоевропейских языках и основанные на нем позднейшие префиксальные производные;
- 3) соотношение префиксального и суффиксального типов выражения каритивности в индоевропейских языках, других ностратических и остальных евразийских языках;
- 4) соотношение глагольных форм и отрицательных частиц, универсальные отрицательные слова;
- 5) соотношение глагольных и именных каритивных форм в америндейских языках [6].

На основе изученного языкового материала и созданной классификации филолог делает заключение о том, что в праславянском языке преобладают словообразовательные способы выражения каритивности, которые выделяют не глобальное отрицание, а локальное, что представляет интерес с общелингвистической точки зрения. Указанные способы выражения категории каритивности являются архаичными, что подтверждается этимологическим анализом древнейших форм и примерами из древнейших письменных текстов.

В научной лингвистической литературе были интерпретированы в качестве оппозициональных категории посессивности семантические категории лишительности, необладания и каритивности и другими исследователями, которые указанные категории также отождествляли и, в первую очередь, с категорией отрицания.

А.С. Боханова в статье «Облигаторность каузирования в языковых единицах с лишительной семантикой» определяет категорию лишительности как самостоятельную семантическую категорию, рассматривает ее как категорию, сопряженную с категориями необладания и каритивности, указывает их отличительные характеристики [1]. Вопросы частного отрицания и лишительности подняты в статье А.С. Бохановой и Л.Т. Килеваевой «Вербализация каритивной семантики в русском и польском экономическом дискурсе»: языковые единицы, в которых воплощается категория лишительности, отнесены к лексическим и грамматическим, установлено их взаимодействие на основе семантической функции, в результате чего они объединены в функционально-семантическое поле [2].

Безусловно, указанные категории (отрицания, необладания, лишительности или каритивности) имеют общий семантический признак 'отсутствие', на основе которого они

группируются. Однако указанные категории не охватывают семантику “отсутствие” в полном объеме и не могут отождествляться с абстрактным понятием «отсутствие».

В книгу С.М. Толстой «Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе» включены очерки по сравнительной славянской семасиологии и этнолингвистике. В частности, рассматривается семантическая модель категории каритивности на примере гнезд *сухой, пресный, пустой*. Семантическую модель каритивности языковед определяет, как однотипный способ организации значений в пределах полисемичного слова. Лингвист исследует категорию каритивности исключительно как семантическую категорию, в отличие от предыдущих исследователей. С.М. Толстая вводит термин *каритивность* и приводит его истоки: в латинском языке *caritas* означает “недостаток, скудость”. Семантическую модель каритивности языковед представляет в виде гнезд адъективов и их дериватов, которые объединяет общий признак – семантика “недостача, отсутствие, нехватка чего-либо”. Семантическая модель не отождествляется с полисемичным словом, но в то же время представлена первичной и вторичными номинациями, возникающими в ходе развития языка [9, с. 50-99]. Используя сравнительно-исторический метод, данные этимологии и семасиологии, основываясь на принципе системности, лингвист анализирует номинативные единицы, которые имеют вследствие своей денотативной общности схожие семантические характеристики и общие тенденции семантического развития. В исследовании С.М. Толстой наблюдается ориентация на онтологические области обозначаемых объектов и на соответствующие когнитивные модели их восприятия.

Обзор студийных обращений к категориям отрицания, каритивности, лишительности и необладания свидетельствует о том, что они непосредственно и неразрывно сопряжены с понятием «отсутствие», а их корреляция отражает взаимозависимость частного (семантических категорий) и целого, под которым подразумевается понятие «отсутствие». Семантический объем абстрактного понятия «отсутствие» шире, чем семантический объем указанных категорий: они как составные компоненты имеют общую сему в значении и входят в понятие «отсутствие».

Лексическая семантика оказала влияние и на видовую парность, вследствие чего сформированы следующие бинарные оппозиции: наличие vs отсутствие; утверждение vs отрицание; посессивность vs каритивность; обладание vs необладание. Семантические соотношения в видовых парах имеют достаточно много вербальных пересечений, которые выражаются различными языковыми способами. К стандартным способам можно отнести средства экспликации негации в русском языке, а к нестандартным – развитие и расширение лексического значения на основе апперцепции с последующим образованием вторичных номинаций. Семантико-деривационные средства и способы формирования номинаций с семой «отсутствие» углубляют воззрение на абстрактное представление отсутствия в системе языка и понимание его лингвистической репрезентации.

Описание семантики номинаций, репрезентирующих понятие «отсутствие», методом интерпретаций дает возможность получить более полный набор нюансов значений отсутствия, к которым относятся значения отрицания, каритивности, лишительности и необладания. Исследование языковых манифестаций позволяет обнаружить необычайное разнообразие содержания понятия «отсутствие» в разных видах дискурса и зафиксировать большое число значимых пустых «ниш» в системе русского языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Боханова А.С. Облигаторность каузирования в языковых единицах с лишительной семантикой // *Universum: Филология и искусствоведение: электронный научный журнал*. 2014. №12 (14). URL: <http://7universum.com/ru/philology/archive/item/1820> (дата обращения 11.10.2019 г.).
2. Боханова А.С., Килевая Л.Т. Вербализация каритивной семантики в русском и польском экономическом дискурсе // *Acta – Polono – Ruthenica*. 2016-t. XXI–1. С. 7–17.
3. Вайс Д. Смысловый потенциал посессивного отношения и его текстуальная обусловленность // *Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура: сб. статей в честь Н.Д. Арутюновой / отв. ред. Ю.Д. Апресян*. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 283–295.
4. Головачева А.В. Семантико-синтаксические посессивные структуры в западнославянских и русском языке // *Иванов Вяч. Вс., Малошная Т.Н., Головачева А.В.,*

Свешникова Т.Н. Этюды по типологии грамматических категорий в славянских и балканских языках. М.: ИНДРИК, 1995. С. 173-245.

5. Журинская М.А. Посессивность // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 388–389.

6. Иванов Вяч. Вс. Типология лишительности (каритивности) // Иванов Вяч. Вс., Малошная Т.Н., Головачева А.В., Свешникова Т.Н. Этюды по типологии грамматических категорий в славянских и балканских языках. М.: ИНДРИК, 1995. С. 5–59.

7. Киклевич А. Об индексальных выражениях с семантикой посессивности (на материале русского и немецкого языков) / А.Е. Супрун, Г. Яхнов // Славяно-германские параллели. Минск, 1996. С. 190–212.

8. Лакофф Д. Женщины, огонь и другие опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. Книга 1: Разум вне машины. / Пер. с англ. И.Б. Шатуновского. М.: Гнозис.2011. 512 с.

9. Толстая С.М. Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. М.: «Индрик», 2008. 528 с.

REFERENCES

1. Bohanova A.S. Obligatornost' kauzirovaniya v yazykovykh edinicah s lishitel'noj semantikoj // Universum: Filologiya i iskusstvovedenie: elektronnyj nauchnyj zhurnal. 2014. №12 (14). URL: <http://7universum.com/ru/philology/archive/item/1820> (Data obrasheniya 11.10.2019 g).

2. Bohanova A.S., Kilevaya L.T. Verbalizaciya karitivnoj semantiki v russkom i pol'skom ekonomicheskom diskurse // Acta – Polono – Ruthenica. 2016-t. XXI-1. S. 7-17.

3. Vajs D. Smyslovoj potencial posessivnogo otnosheniya i ego tekstual'naya obuslovlennost' // Sokrovennye smysly: Slovo. Tekst. Kul'tura: sb. statej v chest' N.D. Arutyunovoj / otv. red. YU.D. Apresyan. M.: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2004. S. 283-295.

4. Golovacheva A.V. Semantiko-sintaksicheskie posessivnye struktury v zapadnoslavyanskih i russkom yazyke // Ivanov Vyach. Vs., Maloshnaya T.N., Golovacheva A.V., Sveshnikova T.N. Etyudy po tipologii grammaticheskikh kategorij v slavyanskih i balkanskih yazykah. M.: INDRIK, 1995. S. 173-245.

5. Zhurinskaya M.A. Posessivnost' // Lingvisticheskij enciklopedicheskij slovar'. M.: Sovetskaya enciklopediya, 1990. S. 388-389.

6. Ivanov Vyach. Vs. Tipologiya lishitel'nosti (karitivnosti) // Ivanov Vyach. Vs., Maloshnaya T.N., Golovacheva A.V., Sveshnikova T.N. Etyudy po tipologii grammaticheskikh kategorij v slavyanskih i balkanskih yazykah. M.: INDRIK, 1995. S. 5-59.

7. Kiklevich A. Ob indeksal'nykh vyrazheniyah s semantikoj posessivnosti (na materiale russkogo i nemeckogo yazykov) / A.E. Suprun, G. YAhnov // Slavyano-germanskie paralleli. Minsk, 1996. S. 190-212.

8. Lakoff D. Zhenshchiny, ogon' i drugie opasnye veshchi: Chto kategorii yazyka govoryat nam o myshlenii. Kniga 1: Razum vne mashiny. / Per. s angl. I.B. Shatunovskogo. M.: Gnozis.2011. 512 s.

9. Tolstaya S.M. Prostranstvo slova. Leksicheskaya semantika v obshcheslavyanskoj perspektive. M.: «Indrik», 2008. 528 s.

Радчук Ольга Вячеславовна – кандидат филологических наук, доцент, доцент Харьковского национального педагогического университета имени Г.С. Сковороды. ORCID ID 0000-0002-0343-6796. E-mail: radchuk.o.v@ukr.net

(Статья поступила в редакцию 6 декабря 2019 г.)